

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ НИКИТСКІЙ.

(Некрологъ).

Варшавскій университетъ понесъ еще одну тяжелую утрату, и, на этотъ разъ, трудно возмѣстимую. Вчера, въ ночь на 10 число, умеръ одинъ изъ самыхъ видныхъ и самыхъ полезныхъ его дѣятелей, деканъ историко-филологическаго факультета, профессоръ русской исторіи Александръ Ивановичъ Никитскій. Теперь, надъ незакрывшейся еще могилою, не время ни для подробной его біографіи, ни для оцѣнки ученыхъ трудовъ, заслугъ и педагогической его дѣятельности. Но, въ виду глубокой скорби, которую въ каждомъ изъ знавшихъ покойнаго вызываетъ его ранняя смерть, — да позволена намъ будетъ попытка возстановить его нравственный образъ съ тѣми чертами, которыя такъ близко были извѣстны намъ, были такъ намъ дороги, навсегда сохраняются въ нашей памяти, и съ которыми, какъ мы глубоко убѣждены, онъ перейдетъ въ исторію нашего университета, въ исторію русскаго просвѣщенія.

Какъ cadaго кабинетнаго дѣятеля, жизнь покойнаго прошла, повидимому, довольно однообразно, безъ рѣзкихъ перемѣнъ и переходовъ; но все, что мы знаемъ о ней, свидѣтельствуетъ о замѣчательной цѣльности его характера, о твердой энергической волѣ. Александръ Ивановичъ родился 25 января 1842 года въ Череповцѣ (Новгородской губерніи); его отецъ, учитель исторіи и географіи въ мѣстномъ городскомъ училищѣ, какъ видно, серьезно заботился о воспитаніи своихъ многочисленныхъ дѣтей: двое старшихъ братьевъ Александра Ива-

новича воспитывались въ благородномъ пансіонѣ при Новгородской гимназіи, той же гимназіи былъ обязанъ своимъ образованіемъ и Александръ Ивановичъ. Въ 1860 году онъ окончилъ въ ней курсъ наукъ съ золотою медалью. Уже въ эту раннюю пору въ немъ обнаружился стремленіи къ занятіямъ исторіей, и, подѣ влияніемъ извѣстнаго археолога И. К. Купріянова, онъ еще на гимназической скамьѣ обратился къ изученію новгородской старины. Первыми историко-литературными опытами его были статьи, тогда же напечатанныя въ „Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. По окончаніи гимназическаго курса, А. И. поступилъ въ Петербургскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, и тутъ-то въ первые ему предстояло испытаніе его характера, его доброй воли. Университетъ переживалъ тогда самое бурное время; молодежи трудно было предаваться спокойному и усидчивому труду. Въ мирныя аудиторіи вторгался шумъ и разладъ улицы. Какъ ни велики были научныя силы, которыми въ то время располагалъ университетъ, особенно историко-филологическій факультетъ, считавшій въ своихъ рядахъ И. И. Срезневскаго, Н. И. Костомарова, М. И. Сухомлина и др.,—но ихъ влияніе исчезало передъ вѣянiami извнѣ на молодое поколѣніе. А. И. Никитскій, не смотря на свою молодость (ему было всего 18 лѣтъ), не былъ, повидимому, увлеченъ господствующимъ теченіемъ, и оказался на столько самостоятельнымъ, что остался вѣренъ прямой цѣли. Между тѣмъ осенью слѣдующаго 1861 г. университетъ былъ закрытъ, и молодой студентъ остался безъ руководства. Сколько силъ и талантовъ сбилось въ это смутное время съ пути,—сколько ихъ затерялось въ бесплодныхъ попыткахъ выбраться безъ умѣлыхъ указаній на торную дорогу! Но А. И. Ни-

китскій уцѣлѣлъ и не затерялся. Въ 1866 году онъ получилъ кандидатскій дипломъ въ университетѣ св. Владиміра, но уже ранѣе окончательно посвятилъ себя изученію русской исторіи и опредѣлилъ свою задачу. Онъ выбралъ исторію Новгорода и Пскова, какъ предметъ спеціального изученія. Нѣтъ сомнѣнія, что на этотъ выборъ имѣли вліяніе и впечатлѣнія дѣтства, которое онъ провелъ въ богатомъ предавіями Новгородскомъ краѣ, и раннія занятія новгородскою стариною подъ руководствомъ И. К. Купріянова, и близкое знакомство съ авторомъ „Сѣверно-русскихъ народоправствъ“, историкомъ Н. И. Костомаровымъ, съ которымъ покойный близко сошелся въ шестидесятихъ годахъ. Мы не знаемъ обстоятельствъ его жизни до вступленія на службу учителемъ гимназіи „Императорскаго человеколюбиваго общества“ въ Петербургѣ въ 1868 г., но видно, что онъ работалъ постоянно, съ неутомимою энергіей надъ выбраннымъ предметомъ. Результаты этихъ работъ стали появляться съ 1870 года, когда онъ выступилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ со статьею: „Теорія родоваго быта въ древней Руси“, а затѣмъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, гдѣ появился рядъ его изслѣдованій: „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода“ (1870), „Очеркъ внутренней исторіи Церкви въ Псковѣ“ (1871), „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“: I. Областный бытъ Великаго Новгорода; II. Господицъ Псковъ (1872); III. Политическое единеніе (1873). Все эти труды были частью одного изслѣдованія о внутренней жизни Пскова, задуманнаго по широкому плану, которое наконецъ появилось въ 1873 г. отдѣльною книгой*). „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“ представилъ въ русской исторіографіи замѣчательное явленіе, какъ са-

*) Очеркъ внутренней исторіи Пскова. СПб. 1873.

мостоятельное и вполне критическое изслѣдованіе предмета по новымъ источникамъ, и тотчасъ же былъ оцѣненъ по достоинству. С.-Петербургскій университетъ призвалъ А. И. Никитскаго магистромъ русской исторіи; Императорская Академія Наукъ удостоила его Уваровской преміи, а Варшавскій университетъ пригласилъ его на кафедру русской исторіи, открывшуюся, за переходомъ теперь тоже покойнаго профессора Н. Я. Аристова, въ харьковскій университетъ. Но этотъ трудъ имѣетъ также другое значеніе — для характеристики саморазвитія автора. Эпиграфъ къ книгѣ, взятый изъ Горация.... „*nonum prematur in annum*“ имѣетъ реальный смыслъ. Книга дѣйствительно писалась въ продолженіе девяти лѣтъ, и въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразились и ходъ занятій автора, и внутренняя работа его надъ самимъ собой, и тотъ характеръ, который онъ вынесъ изъ этой работы: необыкновенная пытливость, которая не допускала его принять самаго мелочнаго факта безъ строгой критической проверки, и результатомъ которой явилась полная самостоятельность его взглядовъ и мнѣній; его неистиннѣ философская способность разобраться въ мелочномъ матеріалѣ и, не упуская изъ виду частностей, открывать въ нихъ реальную общую связь, общее всѣмъ имъ начало; его обширная эрудиція и начитанность; его близкое знакомство съ историческою, философскою и юридическою литературою, которое дѣлало его однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ средѣ специалистовъ, и которое давало ему возможность открывать новые кругозоры въ изучаемой имъ русской старинѣ. Правда, его упрекали не безъ основанія въ философской абсолютности нѣкоторыхъ воззрѣній; — но, какъ справедливо замѣтилъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, одинъ изъ первыхъ оцѣнившихъ по достоинству трудъ А. И. Ни-

нитскаго, это было не болѣе, какъ „дань молодости, и во всякомъ случаѣ хорошій признакъ, какъ свидѣтельство потребности сознать общее въ частныхъ явленіяхъ“. Наконецъ, въ „Очеркѣ“ высказалось и политическое міровоззрѣніе, вынесенное авторомъ изъ его долголѣтней работы; уясняя себѣ внутренній строй древне-русскихъ народоправствъ, авторъ убѣдился въ важности государственнаго начала вообще, и въ томъ значеніи, какое оно имѣло въ нашей исторіи, въ русскомъ народномъ развитіи въ частности. Трудъ А. И. Никитскаго показываетъ, какую тяжелую внутреннюю работу онъ перенесъ, какую прошелъ трудную школу. Въ этой школѣ выработался и его дѣйствительно замѣчательный литературный талантъ.

Съ такимъ запасомъ знаній и съ такой подготовкой А. И. Никитскій вступилъ на кафедру русской исторіи въ нашемъ университетѣ, открывъ курсъ вступительною лекціей 2 октября 1873 г. Сколько помнится, въ первый годъ его чтенія были посвящены обзору источниковъ и научной разработкѣ русской исторіи, а затѣмъ онъ велъ по обычаю два курса—общій для студентовъ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ I и II курсовъ—по новой русской исторіи, и спеціальный—для историковъ и славистовъ III и IV курсовъ историко-филологическаго факультета, выбирая для послѣдняго или исторію Новгорода, или какой-либо отдѣлъ новой исторіи, которые излагались по подробной программѣ. Его слушатели знаютъ, что въ преподаваніе онъ вносилъ тѣ же высокія качества, какія обнаружилъ въ своихъ ученыхъ трудахъ, ту же точность и внимательность изученія, тотъ же широкій самостоятельный взглядъ, глубокое политическое пониманіе, ту же талантливость изложенія. Его слушатели проходили хоро-

шую школу не только по отношенію къ наукѣ и критикѣ, но и къ здоровому политическому пониманію. Какъ намъ извѣстно, онъ задумывалъ съ теченіемъ времени издать выработанный имъ университетскій курсъ русской исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не покидалъ и прежней работы, продолжая настойчиво изслѣдованія по задуманной программѣ. Результатомъ ея былъ „Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ“ (С.-Петербургъ 1879), который доставилъ ему отъ С.-Петербургскаго университета дипломъ доктора русской исторіи, и окончательно приготовилъ къ печати изслѣдованіе о новгородской торговлѣ. Для такихъ работъ въ Варшавѣ оказывался недостатокъ въ матеріалѣ, который онъ восполнялъ по возможности, получая книги и рукописи изъ Императорской Академіи Наукъ, Императорской публичной библіотеки, Археографической комиссіи въ С.-Петербургѣ, изъ музея псковской Археологической комиссіи (которая выслала ему въ 1875 году рукопись „Книга таможеннаго сбору 1588 года“) и другія. Участіе въ археологическихъ сѣздахъ Кіевскомъ, Тифлискомъ и Одесскомъ давало ему возможность поддерживать личныя связи съ русскими учеными, среди которыхъ онъ пользовался вполне заслуженнымъ уваженіемъ.

Характеръ съ указанными отличительными чертами, выработанный имъ въ кабинетной работѣ, покойный А. И. внесъ и въ свою практическую жизнь, что было и естественно при цѣльности его натуры. И по отношенію къ обществу и къ отдѣльнымъ лицамъ онъ отличался тою же твердостью и послѣдовательностью, стойкостью въ убѣжденіяхъ и поступкахъ, тою же осторожностью сужденій и тѣмъ же стремленіемъ къ правдѣ. Это былъ человекъ убѣжденія въ полномъ смыслѣ слова. Онъ не полагалъ раз-

личій между словомъ и дѣломъ, и не могъ входить въ сдѣлки и уступки въ житейскихъ отношеніяхъ, какъ по существу не допускалъ ихъ въ научномъ мірѣ. Эта сторона характера высказывалась наиболѣе ясно въ его административной дѣятельности, какъ декана историко-филологическаго факультета и исправлявшаго должность ректора. Въ то же время глубокая, убѣжденная любовь къ отечеству, воспитанная всестороннимъ изученіемъ прошлаго, дѣлала его необыкновенно отзывчивымъ ко всѣмъ текущимъ проявленіямъ современной и общественной жизни. Его миѣніемъ дорожило русское варшавское общество. Всѣмъ памяты его публичныя лекціи, его рѣчи въ здѣшнемъ Русскомъ Собраніи.

Она доставила ему много друзей и поклонниковъ, дала ему много свѣтлыхъ минутъ въ жизни; но были и темныя полосы, приходилось переживать трудныя минуты, которыя, къ сожалѣнію, не прошли для него безслѣдно. Вообще А. И. не отличался крѣпостью организма. Усиленныя запятія съ ранней молодости, кабинетный образъ жизни, при всей его правильности и осторожности, постепенно подтачивали его силы, и требовалось очень немногаго, чтобы серьезно надломить ихъ. Уже въ февралѣ 1879 г. онъ обращался къ бывшему ректору университета т. сов. Благовѣщенскому съ просьбою, по неудовлетворительному состоянію здоровья, уволить его на продолжительное время отъ чтенія лекцій. Вскорѣ понадобились поѣздки въ юго-восточный степной край Россіи для лѣченія кумысомъ, и, благодаря вниманію и заботливости попечителя учебнаго округа, А. Л. Апухтина, эти поѣздки состоялись въ 1883 и 1885 годахъ; онѣ улучшили, но не возстановили здоровья. Въ маѣ текущаго года А. И. заболѣлъ такъ, что не могъ вести обычные экзамены студентамъ. Обнаружились угрожающіе признаки

грудной болѣзни. По упорству, свойственному больнымъ такого рода, А. И. не хотѣлъ серьезно отнестись къ совѣтамъ докторовъ — бросить все и спѣшить на югъ, въ Крымъ, чтобы запастись силами для поѣздки на зиму въ Алжиръ, что представлялось единственнымъ средствомъ спасти этого дорогого человека. Занятый, по порученію Академіи Наукъ разборомъ одного изъ ученыхъ трудовъ, представленныхъ на уваровскій конкурсъ, онъ упорно отлагалъ свою поѣздку, теряя драгоценное время. Окончивъ работу, онъ отправился въ Крымъ; между тѣмъ совѣтъ университета исходатайствовалъ ему годичную командировку за-границу, вполне увѣренный, что перемѣна климата и рода занятій, особенно же освобожденіе отъ преподавательскихъ обязанностей, благотворно подѣйствуютъ на его здоровье. Но надежды не оправдались. Жизнь угасала и—угасла....

Миръ праху твоему, неутомимый труженикъ, дорогой товарищъ!

Варшава, 11 ноябрю 1886 г.

Н. Барсовъ.